УДК 93/94 10.69537/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2025.15.4.008

ЧЕЧНЯ НАЧАЛА XX ВЕКА В ПУТЕВЫХ ЗАМЕТКАХ Н.Я. ДИННИКА

© Осмаев Аббаз Догиевич (a, b)

(a) Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова
(b) Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук

Аннотация. В статье анализируется книга известного российского натуралиста и путешественника Н.Я. Динника «По Чечне и Дагестану» (1905) как ценный источник сведений о состоянии Чечни в начале XX века. Рассматриваются географические ландшафты, климатические особенности, богатая флора и фауна региона, а также этнографические зарисовки о жизни чеченских обществ. Труд Динника представляет собой комплексное описание, позволяющее реконструировать природную и социокультурную среду Чечни в преддверии исторических потрясений.

Ключевые слова: Н.Я. Динник, Чечня, начало XX века, историческая география, этнография, экология, фауна, флора, Кавказ.

CHECHNYA AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY IN THE TRAVEL NOTES OF N.YA. DINNIK

© Osmaev Abbaz Dogievich (a, b)

(a) Chechen State University named after A.A. Kadyrov
(b) Kh. Ibragimov Complex Institute of the Russian Academy of Sciences

Abstract. The article analyzes the book by the famous Russian naturalist and traveler N.Ya. Dinnik "On Chechnya and Dagestan" (1905) as a valuable source of information about the state of Chechnya in the early 20th century. Geographical landscapes, climatic features, rich flora and fauna of the region, as well as ethnographic sketches about the life of Chechen societies are considered. Dinnik's work is a comprehensive description that makes it possible to reconstruct the natural and socio-cultural environment of Chechnya in anticipation of historical upheavals.

Key words: N.Ya. Dinnik, Chechnya, the beginning of the 20th century, historical geography, ethnography, ecology, fauna, flora, the Caucasus.

Введение. Путевые заметки ученых-естествоиспытателей являются ценными историческими источниками, сочетающими в себе научную точность с живыми наблюдениями очевидца. К числу таких трудов принадлежит работа Николая Яковлевича

Динника (1847–1917) «По Чечне и Дагестану» [1], изданная в 1905 году по материалам его поездки 1904 года. Несмотря на то, что основной целью автора было изучение природы, его книга содержит богатый материал по исторической географии, экологии и этнографии Чечни. Данная статья ставит целью проанализировать этот комплекс сведений, систематизировав наблюдения Н. Динника о жизни Грозного, чеченских аулов в начале прошлого столетия, ландшафтах и биоразнообразии.

Анализу научных трудов Н. Динника, его путевых заметок посвящен ряд статей Асоян Д.С. и Тишкова А.Я. [2, 6], Белик Т.С. и Ленковой М.И. [3], Головлева А. А. [4], Тайсумова М.А. с соавторами [6], Тхагапсовой Г.Г. [7]. У Д. Асоян с А. Тишковым в статье Чечне уделена только одна фраза «В 1904 г. Н.Я. Динник путешествовал по Чечне и Дагестану: сначала в Грозный с его нефтяными промыслами, затем в Шатой, Аргунское ущелье, оз. Эзень-ам (Казеной-ам), Ботлих и обратно по тому же пути.» [2, с.]. Более обстоятельно путевые заметки Н Динника рассмотрены в статье А. Головлева, который наряду с растительным и животным миром Чечни, описанным Н. Динником, уделяет достаточно много внимания его этнографическим наблюдениям [4]. В настоящей статье названия населенных пунктов и географических объектов приведены в транскрипции Н. Динника.

Основная часть. Н.Я. Динник начинает свой маршрут в Грозном, характеризуя его как место с нездоровым климатом, где часты малярия и дизентерия, дуют ветры и летом невыносимая жара, а осадков выпадало около 502 мм в год [1, с. 3]. Автор уделяет внимание грозненским нефтяным промыслам, которые тянутся на 5-6 верст, начавшись от города в 17 верстах, обращает внимание на то, что нефтяные источники расположены на гребне хребта и его склонах, бурение же скважин в долинах результатов не дало.

Он детально описывает переход от равнинной части к горной, отмечая резкую смену ландшафтов и климатических условий. Уже в 25 верстах от города, в слободе Воздвиженской, ситуация кардинально менялась: «Здесь нет летом ни жары, ни пыли, ни духоты, ни ветров, а вечера и ночи не только отличаются прохладой, но бывают даже холодными» [1, с. 5-6]. Автор восхищается ее местоположением на высоком берегу Аргуна и даже задается вопросом, почему административным центром стал Грозный, а не более благоприятная во всех отношениях Воздвиженская [1, с. 7].

Однако идиллический пейзаж слободы контрастировал с тревожной социальной обстановкой. Н. Динник отмечает, что во время его поездки в окрестностях Воздвиженской было неспокойно: жители опасались ездить на полевые работы даже за 2-3 версты из-за активности абреков, бежавших из грозненской тюрьмы. За месяц было убито пять человек, причем последнее убийство произошло незадолго до его приезда прямо на улице слободы, несмотря на присутствие воинского гарнизона [1, с. 7].

Продвигаясь вглубь региона, Н. Динник фиксирует богатство местной флоры. Поля в окрестностях Воздвиженской украшали большие груши, повсеместно росла алыча и мушмула (шишки). Последнюю чеченцы в огромных количествах собирали на правом берегу Аргуна и зимой везли на продажу в слободу и Грозный, а русские жители делали из нее вкусный квас [1, с. 8].

Дорога от Воздвиженской к Шатой вела сначала по широкой долине Аргуна, а на восьмой версте входила в Аргунское ущелье, где по обеим сторонам поднимались покрытые лесами горы. Путешественник описывает чеченские аулы, расположенные по

берегам реки, такие как Дуба-юрт, а также остатки бывшего Аргунского укрепления недалеко от села Дачу-Барзой. Он отмечает место слияния Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна (район сёл Дуба-юрт, Чишки, Дачу-Барзой - авт.), где дорога по длинному деревянному мосту переходила на правый берег и тянулась до самого Шатоя [1, с. 14].

Центральное место в описании занимает Аргунское ущелье. Н. Динник подробно описывает его участки – от широкой долины около Шатоя до знаменитой теснины с «Чертовым мостом» близ аула Нихалой: «Он висит над водою на высоте не менее 30 сажен… Когда проходишь по нему, он так сильно качается под ногами… что чувствуешь себя как будто бы на качелях» [1, с. 20]. Автор отмечает «ласкающий вид» в отличие от диких ущелий других частей Кавказа [1, с. 17]. Он упоминает также каменные башни на правом берегу Чанты-Аргуна (Ушкалойские башни – авт.)

Во время зимней поездки Н. Динник посетил один из самых глухих аулов Чечни — Соной, окруженный со всех сторон лесами. Чтобы добраться до него, нужно было проехать через множество чеченских поселений (Помятой, Бекум-кале, Маршин-кале, Хали-кале и т. д.), а далее дорога шла по совершенно глухой лесистой местности. Сам Соной представлял собой маленький аул, расположенный высоко на небольшой поляне, окруженной обширными буковыми лесами [1, с. 18].

Особое внимание уделяется высокогорным районам. Котловина Мацехчу (Мецехчу-авт.) предстает «необыкновенно красивой», окруженной «высочайшей, черной, как уголь, стеной зубчатые остроконечные горы» с блестящими полосами вечного снега [1, с. 34]. Озеро Эзень-ам (Кезеной-ам –авт.) охарактеризовано как водоем в глубокой котловине с чистой водой темно-синего цвета, происхождение которого Н. Динник объясняет гипотезой об обвале, запрудившем реку [1, с. 64]. В верстах трех от озера чеченский аул Хой, построенный из камня. Здесь же высокая каменная башня, толстая стена из камня на юго-востоке аула.

Будучи зоологом и ботаником, Н. Динник скрупулезно фиксирует видовой состав флоры и фауны, отмечая зональные различия. Отмечается, что в равнинной и предгорной зоне растительность имеет степной характер. Упомянуты низкорослый кустарник, лакричник, крушина, несколько видов шалфея, и др. [1, с. 3-4]. Птиц здесь, по его наблюдениям, «замечательно мало» – воробьи, ласточки, орлы, хохлатые жаворонки [1, с. 4].

В лесо-кустарниковой зоне (окрестности слободы Воздвиженской, Аргунское ущелье) фиксируется гораздо большее разнообразие. Среди деревьев преобладают дуб, вяз, груша, бук, граб, липа, дикая черешня, ольха [1, с. 5, 9, 11, 15]. Характерны густые заросли держи-дерева, крушины, шиповника, ежевики [1, с. 5, 8-9]. Из птиц обычны дикие голуби, горлицы, иволги, черные дрозды, сорокопуты-жуланы, щурки, удоды, различные виды ласточек и хищников (сарычи, ястребы) [1, с. 10-11]. Из млекопитающих отмечены кабаны, дикие козы, олени, медведи, волки, лисицы, рыси, барсуки [1, с. 12-13].

В высокогорной зоне в окрестностях Мацехчу, Эзень-ам растительность становится альпийской. Н. Динник описывает горные луга с множеством цветов: незабудки, генцианы, водосбор, персидская ромашка, истоды и др. [1, с. 26, 29, 33-34]. Из фауны особое внимание уделено турам, на которых автор безуспешно охотился в Мацехчу [1, с. 35-37]. У озера Эзень-ам он отмечает форель, альпийских галок, клушиц, корольковых вьюрков, чеканов и горных овсянок [1, с. 64-65].

Этнографические заметки Н.Я. Динника, несмотря на то что они сделаны натуралистом, а не профессиональным этнографом, представляют ценность благодаря своей объективности и вниманию к деталям. Он не только фиксирует внешние проявления быта, но и пытается проанализировать психологию и социальные отношения горцев.

Основу экономики чеченских обществ составляло комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство, строго зависевшее от вертикальной зональности ландшафта. В предгорьях и широких долинах, таких как окрестности Шали и Дарго, возделывали кукурузу, пшеницу и ячмень. Динник отмечает, что кукурузные поля приходилось тщательно охранять от набегов кабанов и медведей, для чего организовывались ночные караулы [1, с. 13, 52]. В высокогорном Тюиллое (Тюли, Туьйлие – чеч.), напротив, пахотной земли было мало, и жители существовали в основном за счет скотоводства, живя «вообще бедно» [1, с. 27].

Автор постоянно восхищается обилием зелени в чеченских аулах. Повсеместно были развиты сады, где росли волошские (грецкие) орехи, яблони, груши, алыча и шишки (мушмула). В Дарго он отмечает: «Вокруг всех домов, а отчасти и на улицах растут груши, алыча, шишки и особенно много волошских (грецких – авт.) орехов. Они растут почти на каждом дворе и в каждом огороде, и в некоторых из них образуют целые рощи». Дома в селе чистые, у части из них крыши земляные, у большинства – черепичные. [1, с. 55]

Летом практиковался отгон скота на альпийские луга. Динник описывает пастушьи хижины в котловине Мацехчу, где жили чабаны со стадами овец и крупного рогатого скота [1, с. 34].

В лесистых районах был развит промысел по заготовке «трости» для производства бочек, который, однако, по мнению автора, был развит слабее, чем на Западном Кавказе [1, с. 15]. В некоторых местах, например, недалеко от аула Башин-кале, чеченцы добывали алебастр для продажи [1, с. 21].

Н. Динник фиксирует разные типы поселений, обусловленные рельефом и хозяйственной деятельностью. Предгорные селения Старая и Новая Атага, Шали описываются как большие селения, «утопающие в зелени», с порядочными и чистыми постройками, некоторые из которых имели черепичные крыши [1, с. 40, 55]. Интересно, что в это время в Старых Атагах выращивали табак, хотя, как сообщалось Н. Диннику, муллы внушали чеченцам, что курить и разводить табак — грех, поэтому его разведением почти перестали заниматься [1, с. 41].

Горные аулы Шатой, Дачу-Барзой расположены в лесистой местности, часто на склонах гор. Высокогорные аулы (Чамгой (Чамги), Тюиллой – общество хильдехарой – авт.) суровы и аскетичны. «Хорошего леса около него нет, поэтому все сакли его выстроены из каменных плит и имеют плоские крыши, усыпанные мелким шифером» [1, с. 27]. Тюиллой, «заброшенный в самые глухие и дикие трущобы гор», состоял всего из нескольких таких жилищ [1, с. 29]. Н. Динник отмечает рациональность строительства: «Материала этого имеется здесь под руками сколько угодно, и платить за него не приходится» [1, с. 29]. Внутри сакли обмазывались глиной для утепления в суровом климате.

Наиболее ценны проницательные замечания Н. Динника о характере и нормах поведения чеченцев. Он сознательно полемизирует с распространенными в русском обществе стереотипами. Гостеприимство и честность автор выделяет как ключевые нормы

поведения. Н. Динник пишет: «Чеченцы-горцы — народ бедный, но гораздо более трудолюбивый, смирный и честный. Они очень вежливы, любезны, предупредительны и гостеприимны» [1, с. 31]. Он многократно приводит примеры, когда чеченцы наотрез отказывались брать плату за ночлег, угощение или помощь, считая это стыдным по своим законам. В Улус-керте хозяин, у которого Н. Динник взял на день лошадь, «упорно отказывался» от денег, и даже сунутый ему насильно рубль был тут же возвращен [1, с. 32].

Н. Динник демонстрирует глубокое понимание сложности отношений чеченцев и русских. Он отмечает, что чеченцы «не могут вообще питать симпатий к русским и имеют немало причин относиться враждебно к нам, но они, вероятно, это скрывают и держат себя в большинстве случаев настоящими джентльменами» [1, с. 32]. Автор здесь видит не «прирожденную враждебность», а следствие недавних политических и военных событий.

Яркой фигурой, описанной Динником, является абрек Залим-хан (Зелимхан Гушмазукаев или Зелимхан Харачоевский – авт.) из аула Хорочой (Харачой – авт.), чье имя позже стало известно во всей Российской империи. Автор приводит народную молву, которая оправдывала абрека: «Мой проводник находил даже, что Залим-хана не за что судить и наказывать, так как он, будучи человеком бедным, никогда не обижает подобных себе бедняков и отбирает деньги только у богатых» [1, с. 59].

Жители глухого аула Тюиллой, по словам Динника, «высшим счастьем для себя считают жить так, чтобы о них никто не знал, не думал и не заботился» [1, с. 30]. Их страх перед фотографированием («как бы мои снимки не причинили им впоследствии много бед») красноречиво свидетельствует о недоверии к внешней власти [1, с. 30].

Путешествие Н.Я. Динника по Чечне проходило по маршрутам, которые еще несколько десятилетий назад были ареной ожесточенных боевых действий. Его труд фиксирует угасающие, но все еще живые следы Кавказской войны, а также особенности военно-административного устройства региона в начале XX века.

Автор последовательно описывает военные пункты, через которые пролегал его путь, создавая четкую картину системы контроля над краем. Бывшая крепость Воздвиженская, ставшая слободой, сохраняла военное значение. Н. Динник отмечает: «В зданиях, находившихся внутри крепостной стены, помещаются три батареи 21-й артиллерийской бригады, а в слободе стоит еще одна или две роты пехоты» [1, с. 6]. Он также упоминает красивые казармы и конюшни бывшего Переяславского драгунского полка на южной окраине слободы [1, с. 6].

Шатой представлял собой «самый людный пункт горной Чечни», где был дислоцирован «один батальон пехоты и батарея старых, с дула заряжающихся орудий» [1, с. 17]. Наличие здесь целого батальона подчеркивает стратегическую важность этого пункта в глубине гор.

Описание аула Итум-Кале и Евдокимовского укрепления является яркой иллюстрацией службы на отдаленной окраине. Укрепление состояло из «каменной башни, построенной на откосе горы, маленькой крепостцы и аула Итум-кале» [1, с. 22]. Гарнизон был невелик – «один взвод» солдат под командой офицера, которые присылались сюда на короткие сроки (1-2 месяца) из Шатоя. Н. Динник с сочувствием описывает безысходную скуку и изоляцию офицера: «Офицеру не с кем сказать здесь слова, так как русских, кроме солдат, нет вовсе, а чеченцы народ не только мало развитой, но даже полудикий. Таким образом, положение офицера в Евдокимовском укреплении оказывается скучным до

невозможности» [1, с. 22]. Он отмечает, что за этим укреплением глушь, русских здесь совсем нет, а живут только чеченцы, или, точнее, кистины.

Н. Динник, будучи внимательным наблюдателем, фиксирует техническое состояние вооружения и оборонительных сооружений. Практически везде он отмечает архаичность артиллерийского парка. В Ведено, кроме одного современного стального орудия, прочие были «старинные, бронзовые и, за исключением трех или четырех горных, заряжаются с дула» [1, с. 46]. Аналогичная картина и в Шатое. [1, с. 17]. Эти пушки были не только элементом обороны, но и инструментом демонстрации силы. Автор пишет, что периодические стрельбы боевыми снарядами проводились, «главным образом, вероятно, для того, чтобы чеченцы не забывали, что у русских есть пушки» [1, с. 46].

В Ведено он описывает сохранившиеся «толстые каменные стены с бойницами и батареями», построенные для защиты от нападений чеченцев и лезгин [1, с. 46]. Примечательно, что эти укрепления продолжали использоваться и в его время.

Путешественник не обошел вниманием и недавнее военное прошлое, выступая в роли летописца памяти о трагических событиях. Посетив поляну Ахмет-Ирицоу (Ахмет-ирзо, поляна Ахмета на чеч. – авт.) близ села Дарго, он подробно останавливается на истории «даргинской экспедиции» графа Воронцова 1845 г., закончившейся тяжелыми потерями для русской императорской армии. Н. Динник приводит цифры потерь: 3 генерала, 141 офицер, а вместе с нижними чинами 8631 человек. [1, с. 56] На месте боя он обнаружил «в высшей степени скромный памятник, состоящий из простого белого каменного креста», с лаконичной надписью: «6—18 июля 1845 г. Куринцы и Кабардинцы павшим товарищам» [1, с. 57]. По прошествии 59 лет он служит мемориалом не только павшим солдатам, но и ожесточенному сопротивлению горцев.

Н. Динник отмечает следы войны в ландшафте: дорога от Воздвиженской к Шатою проходит мимо «остатков бывшего Аргунского укрепления» [1, с. 14]. Около Башин-кале автор упоминает «крытую навесом подземную галерею», по которой солдаты ходили за водой, не подвергаясь обстрелу [1, с. 21]. Эти детали показывают, насколько глубоко военная инфраструктура и ее руины были вписаны в местный ландшафт.

Таким образом, военные сюжеты в книге Н. Динника не являются фоном, а составляют одну из ключевых тем. Через описание дислокации частей, устаревшего вооружения, тяжелого быта гарнизонов и памятных мест он рисует картину сложного, напряженного и еще не до конца устоявшегося военно-административного контроля Российской империи над недавно покоренным, но не до конца усмиренным краем.

Заключение. Труд Н.Я. Динника «По Чечне и Дагестану» представляет собой комплексный источник, запечатлевший облик Чечни в ее переломный исторический момент. Скрупулезные географические описания позволяют реконструировать ландшафты региона до масштабных антропогенных изменений XX века. Детальные списки флоры и фауны являются бесценными данными для исторической экологии и биогеографии. Наконец, живые и во многом свободные от идеологических штампов этнографические наблюдения рисуют сложную картину жизни чеченских обществ, их хозяйственного уклада, культуры и сложных взаимоотношений с российской администрацией. Книга Н. Динника остается важным научным и культурным памятником, не утратившим своей актуальности для историков, географов, экологов и этнологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества. Кн. XXV. Вы. 5. Тифлис: Типография Т.П. Козловского, 1905. 78 с.
2. Асоян Д.С., Тишков А.Я. Николай Яковлевич Динник - выдающийся географ, биолог и исследователь Кавказа // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 1. С. 129-140.
3. Белик Т. С., Ленкова М.И. Роль дореволюционных исследователей в изучении Кубани // Курорты. Сервис. Туризм. 2016. № 1(30). С. 75-80.
4. Головлев А. А. Николай Яковлевич Динник как исследователь природы Чечни (к 115-летию выхода в свет труда «По Чечне и Дагестану» // Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии. 2020. Т. 29, № 4. С. 75-103.
5. Тайсумов М.А., М.А. Астамирова М.А-М.., Э. Ш. Дудагова Э. Ш., Хасанова М. И. Орга хин чIора флора талларан истори (История изучения флоры бассейна реки Аргун) // Таллам. 2024. No. 2(35). Pp. 59-66.
6. Тишков А.А., Асоян Д.С. Пионерные географические исследования Кавказа Н.Я. Динника // Устойчивое развитие горных территорий. 2015. Т. 7, № 1. С. 35-45.
7. Тхагапсова Г. Г. Путешествие по Кавказу Н.Я. Динника // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2022. № 31(55). С. 109-114.

REFERENCES

1. Dinnik N.Ya. On Chechnya and Dagestan // Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society. Book XXV. You. 5. Tiflis: Printing house of T.P. Kozlovsky, 1905. 78 p.
2. Asoyan D.S., Tishkov A.Ya. Nikolay Yakovlevich Dinnik is an outstanding geographer, biologist and researcher of the Caucasus // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. The series is geographical. 2015. No. 1. Pp. 129-140.
3. Belik T. S., Lenkova M.I. The role of pre-revolutionary researchers in the study of Kuban // Resorts. Service. Tourism. 2016. № 1(30). Pp. 75-80.
4. Golovlev A. A. Nikolay Yakovlevich Dinnik as a researcher of the nature of Chechnya (on the 115th anniversary of the publication of the work "On Chechnya and Dagestan" // Samara Luka: problems of regional and global ecology. 2020. Vol. 29, No. 4. Pp. 75-103.
5. Taisumov M.A., M.A. Astamirova M.A., E. Sh. Dudagova E. Sh., Khasanova M. I. Organ hin chora flora tallaran istori (History of studying the flora of the Argun River basin) // Tallam. 2024. No. 2(35). Pp. 59-66.
6. Tishkov A.A., Asoyan D.S. Pioneer geographical studies of the Caucasus by N.Ya. Dinnik // Sustainable development of mountainous territories. 2015. Vol. 7, No. 1. Pp. 35-45.
7. Tkhagapsova G. G. Journey through the Caucasus by N.Ya. Dinnik // Bulletin of Science of the Adygea Republican Institute of Humanitarian Studies named after T.M. Kerashev. 2022. № 31(55). Pp. 109-114.